

А. А. КОСТИН

**«ЖИТИЕ ФЕДОРА
ВАСИЛЬЕВИЧА УШАКОВА»
В ИЗДАНИИ СЫНОВЕЙ А. Н. РАДИЩЕВА***

Дошедшие до нас сочинения А. Н. Радищева, с точки зрения источников их текстов, можно разделить на несколько групп. Наибольшей достоверностью обладают произведения, опубликованные писателем прижизненно, причем если в отношении наиболее ранних из них — изданных в Академии наук переводов книги «Размышления о греческой истории» Г. Мабли и «Офицерских упражнений» А.-Л. Эльсница — нельзя с уверенностью предполагать участие Радищева в изданиях после продажи своих трудов в Собрание, старающееся о переводе книг иностранных, то такое участие очень вероятно в случае с изданным на средства Радищева в Императорской типографии «Житием Ушакова» и тем более доподлинно известно в отношении «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Письма к другу, жительствоющему в Тобольске».

Несмотря на значительное число автографов Радищева, большинство из них содержат юридические труды и представлены черновыми вариантами; из художественных произведений автографы и авторизованные списки имеются только для «Путешествия из Петербурга в Москву», «Вольности», повести о Филарете Милости-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-34-01226 «История изучения жизни и творчества А. Н. Радищева в свете их восприятия русской культурой»).

вом, одного юношеского перевода и одного отрывка.¹ По сути, все остальные произведения Радищева известны нам по заведомо неавторизованным вариантам. Помимо сохранившихся в списках неустановленного происхождения и отчасти неисправных записок путешествия в Сибирь и из Сибири и стихотворения «Ты хочешь знать, кто я...», они представлены в издании «Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Радищева», осуществленном сыновьями писателя в Москве в 1807–1811 гг.

Значение этого собрания сочинений для сохранения корпуса произведений Радищева и его изучения сложно переоценить. По сути, только благодаря ему мы можем сейчас говорить о Радищеве как о самобытном поэте-экспериментаторе (из 16 его стихотворных произведений текст 12 известен по этому изданию) и философе (во 2-й и 3-й частях «Собрания» опубликован трактат «О человеке...») конца XVIII в. Помимо этого, здесь были изданы такие важные художественные произведения Радищева, как «Дневник одной недели», «Памятник дактилохореическому витязю» и отрывок «Ангел тьмы», а также ряд экономических и исторических сочинений.

Между тем как источник собственно радищевского текста это издание рассматриваться не может. Дело в том, что двое из издателей — Николай и Василий Радищевы — в конце 1800-х гг. сами были литераторами,² и при подготовке издания вносили в отцовский текст определенную «улучшающую» правку, приводя его стиль в соответствие с новыми нормами. Эту особенность учитывали редакторы всех научных собраний сочинений Радищева — и П. А. Ефремов,³ и П. Е. Щеголев,⁴ и Я. Л. Барсков и Г. А. Гуковский.⁵ Приведу ха-

¹ Перевод заметки А. Гики «Желания греков»; оставшийся в цензурной рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву» конец неизвестного сочинения: «...А теперь увь!».

² См. о них: Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств / Ред. и коммент. В. Н. Орлова. Л., 1935. С. 497, 511; *Костин А. А.* Радищев Николай Александрович // Русские писатели. Биобиблиографический словарь. М., 2007. Т. 5. С. 238–240.

³ Сочинения Александра Николаевича Радищева / Изд. П. А. Ефремовым. СПб., 1872.

⁴ Полное собрание сочинений А. Н. Радищева / Под ред. А. К. Бороздина, И. И. Лапшина и П. Е. Щеголева. СПб., 1907.

⁵ *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений / Под ред. И. К. Луппола и др. М.; Л., 1938–1954.

рактерные редакторские ремарки из 1-го и 2-го томов «Полного собрания сочинений» 1938–1941 гг.: «...текст повести „Дневник одной недели“ и большинства стихотворений дошел до нас только в издании, подготовленном наследниками Радищева <...>. Это издание не дает точного воспроизведения текста Радищева <...>. Поэтому мы не считали нужным сохранять точно написания этого издания и даем текст <...> почерпнутый из него, устраняя некоторые архаические написания»;⁶ «Текст <...> произведений, дошедший до нас в издании „Оставшихся сочинений“ <...> передается с сохранением лишь характерных и существенных в фонетическом и смысловом отношении написаний слов».⁷

Основанием для такого решения неизменно служит отсылка к различиям в текстах «Жития Федора Васильевича Ушакова» в прижизненном издании 1789 г. и в 5-й части «Оставшихся сочинений». На их различия впервые указал в 1868 г. П. И. Бартенев, опубликовавший во 2-й книге «Оснадцатого века» полный текст «Жития» по изданию 1789 г. Оказавшийся в его распоряжении экземпляр включал цензорские пометы А. Ф. Мерзлякова⁸ (которому тот был, по-видимому, передан сыновьями Радищева), и при публикации Бартенев отметил: «...резкие места в нем помараны и неумеренные выражения заменены другими <...> и в таком виде „Житие“ вошло в бекетовское собрание сочинений Радищева».⁹ Это указание не осталось незамеченным исследователями. На двух из шести сохранившихся экземпляров «Жития» в издании 1789 г. имеются маргиналии, свидетельствующие о сверке текстов двух изданий, отмечающие как смысловые исключения и вымарывания, так и

⁶ *Радищев А. Н.* Полное собрание сочинений. Т. 1. С. 442.

⁷ Там же. Т. 2. С. 359.

⁸ Экземпляр со штампом «Чертковская библиотека» хранится в ГПИБ, № 15156. Авторство помет устанавливается по сквозной цензорской записи («Читал Императорского Московского университета отделения свободных наук адъюнкт и философии доктор Алексей Мерзляков» (С. 1–5, 11–87) и «Читал отделения свободных наук адъюнкт Алексей Мерзляков» (С. 89–125, 127–163, 165–199, 201–228)). Экземпляр сохранил следы работы бартеневского наборщика — и отпечатки пальцев в типографской краске, и отметки границ наборных листов.

⁹ Оснадацатый век. Исторический сборник / Изд. П. Бартевым. Вторым тиснением. М., 1869. Кн. 1. С. 249.

стилистическую правку.¹⁰ Упоминание об экземпляре с пометами Мерзлякова имеется во всех научных изданиях «Жития».

Однако разночтения двух редакций до сих пор не были описаны — причем не только важные лишь с текстологической точки зрения орфографические, пунктуационные и морфологические варианты, но и стилистическая и даже собственно цензорская, устраняющая «неудобные места», правка. Между тем подобное описание необходимо как для критики текста радищевских сочинений «Собрания оставшихся сочинений» при последующей их научной публикации, так и с точки зрения учета тех мест в «Житии», которые могли казаться «неудобными» со стороны цензуры или «неправильными» со стороны стиля в конце XVIII — начале XIX в.

Общее число обнаруживаемых при сверке двух изданий вариантов достаточно велико.¹¹ В издании 1789 г. «Житие Ушакова» занимало 228 страниц в восьмую долю листа; в 1811 г. — 157 страниц; общее же число вариантов приближается к 500, то есть в среднем на каждую страницу первого издания приходится два варианта; второго — 3. Подавляющее число вариантов можно отнести к орфографическим. Это заставило предположить уже на предварительном этапе, что помимо цензорского существенное вмешательство в текст было предпринято издателями. Сверка с хранящимся в ГПИБ цензурным экземпляром это предположение подтвердила. Действительно, Мерзляковым были отмечены только места, неудобные с точки зрения цензуры. Таким образом, на примере «Жития Уша-

¹⁰ ГПИБ. № 15157, 15158. При подготовке настоящей статьи не было возможности ознакомиться с экземпляром «Жития», хранящимся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А. С. Пушкина (см.: Русская книга гражданской печати XVIII века (1711–1800) в архиве, библиотеках, музеях Тамбовской области / Сост.: О. В. Горелкина, Т. Ю. Дмитриева. Тамбов, 2011. С. 85). Работа с другими пятью экземплярами велась *de visu*.

¹¹ К сожалению, «Житие Ушакова» в издании 1789 г. не сохранилось ни в одной из петербургских библиотек. Поэтому основная работа по сверке изданий была выполнена в Пушкинском Доме по хранящемуся здесь изданию 1811 г. и подготовленному А. В. Западным тексту в составе Полного собрания сочинений 1938 г., сохраняющему, за исключением незначительных опечаток, отказа от букв дореформенной азбуки и ера на конце слов, орфографию подлинника. Последующая выборочная сверка с подлинником показала в целом допустимость такого подхода. Между тем использование издания 1938 г. не позволило учитывать пунктуационные варианты изданий.

кова» можно наглядно проследить, как обращались с текстом отца редакторы его первого собрания сочинений.

Из наиболее многочисленной группы орфографических вариантов в первую очередь следует отметить последовательную правку, почти не имеющую исключений. Так, для каждого 91 случая употребления А. Н. Радищевым союза «если» он был заменен на написание «естыли». Последовательно заменялась двояная «нн» на одиночную в слове «истинна» и производных от него; устранялся ерь (мягкий знак) между «р» и несонорным согласным в словах вроде «первьый», «верхъ»; производилось стяжение раздельных написаний «не» с прилагательными, причастиями и наречиями; и наоборот: вводилось раздельное написание для единичных случаев стяжения предлогов «о» и «по» с местоимениями и существительными («онем», «помнению»). В ряде других случаев можно говорить о явно наблюдаемой тенденции редакторов, впрочем не проявившейся в строгой последовательности: такова замена характерного для Радищева написания глагола «итти» и производных с одной или двумя «т» на «идти». Между тем имеется немало примеров, когда правка носит явно непоследовательный характер — как, например, в случае с многочисленной группой вариантов написания с/з в конце приставки перед согласной. Встречаются как варианты замены «раскидал» на «разкидал», так и «разположение» на «расположение» (в целом можно отметить тенденцию к написанию приставки «раз» в звонком варианте; «воз» и «из» — в приближенном к современному употреблению). Из 27 случаев употребления написания слова «щастие» и производных через «щ» только в 7 случаях произведена замена на «сч». Не исключено, что в ряде случаев ответственность за подобную правку могла лежать на наборщике: во всяком случае иначе логически объяснить употребление дважды написания немецкого города как «Лейциг» и трижды — как «Лейбциг» не представляется возможным.

Наконец, наблюдается определенная закономерность в замене прописных и строчных букв. Так, с прописной буквы с достаточной степенью последовательности в издании 1811 г. напечатаны оставшиеся в 1789 г. «неподнятыми» слова, имеющие отношение к священным предметам — «Православие», «Христианский Закон», «Священный», «Литургия», «Все вечный» и т. д. К этому же типу правки следует отнести, по-видимому, последовательную замену

строчной на прописную букву в слове «Природа» в деистическом понимании слова. В ряде случаев с прописной буквы напечатаны дававшиеся в 1789 г. со строчной названия официальных учреждений («Семинария», «Гвардия», «Парламентский», «Двор в Дрездене», «Совет Университетский»). Со строчной же буквы написаны нарицательные существительные, обозначающие у Радищева конкретных персон: «творец книги» (Ч. Беккариа), «сочинитель» (Ф. В. Ушаков), «автор» (К. Гельвеций).

Что касается цензурной правки «Жития», то по большей части издание 1811 г., действительно, буквально следует за правкой Мерзлякова. Всего им было сделано 16 замечаний, затрагивающих как отдельные слова, так и несколько страниц подлинника. Условно их можно разделить на три группы, из которых наиболее обширная касается исключения из текста отрицательных характеристик монархического правления. Наиболее значительное изъятие (более двух страниц текста подлинника) затрагивает самый, пожалуй, радикальный фрагмент «Жития» — сопровождающее рассказ о бунте студентов рассуждение о том, что «притеснители частные и общие <...> простирая повсеместную тяготу, предел оныя, на коем отчаяние бодрственную возносит главу, зрят всегда в отдаленности, хождая воскрай гибели, покрытой спасительною для человека мглою. <...> Пребуди благое неведение всецело <...> до скончания века, в тебе почил сохранность страждущаго общества». К тому же пласту правки следует отнести исключение из характеристики политического устройства Англии упоминания о казни Карла I: «...островяне <...> некогда прельщенные наихитрейшим из властителей, Царю своему жизнь отъяти покусилися судебным порядком <...> для утверждения благосостояния общественного изгнали наследнаго своего Царя, избрав на управление посторонняго». Исключенными оказались два обширных примечания Радищева к своему тексту, касающиеся возможности занятия министерского места человеком, у которого «есть ум, а честности мало», а также обычая перенесения в гражданскую службу нравов и порядков службы военной. В связанном с последним из них замечании в тексте: «Мысль нещастная, тысячи любящих Отечество граждан заключающая в темницу, и предающая их смерти; теснящая дух и разум и на месте величия водворяющая робость, рабство и замешательство», исключено слово «рабство»; полностью исключено упоминание заклю-

ченных в темницу сынов отечества, а выражение «мысль несчастная» заменено на «несчастное заблуждение». Несколько поправок было внесено в помещенную в начале «Жития» речь друзей Ф. В. Ушакова, замечавших, что в монархическом государстве должности распределяются не по заслугам лица, а по частному мнению вельмож: «Из нескольких миллионов ему подвластных едва единое сто служат ему; все другие (*източая кровавые слезы, признаться в том должно*), все другие служат вельможам» (исключен текст в скобках); в предположении «положим, что <...> достоин будешь венца» слово «венец» было заменено на «большую доверенность»; в утверждении «не удостоит тебя Государь, может быть, воззрения отвлеченный от того или правления заботою, или надменностию сана своего» «надменность сана» заменена на «важность сана».

Ряд изменений должен был исключить возможность однозначного трактования той или иной мысли как относящейся к России. Так, в предложении «В делах житейских, говорили они ему, все зависит от разщета и уловки» сделано добавление: «в делах житейских в целом свете»; в рассуждении о истории появления института казни в предложении «надлежало установить общество, где каждой подвергался верховному вождению Государя» форма единственного числа в слове «общество» была заменена на множественное: «общества». С этим же типом правки связано, по-видимому, исключение упоминаний — во вполне благонадежных контекстах — о российских монархах. Так, в описании проекта отправки пажей в Лейпциг для обучения юриспруденции вполне отчетливое упоминание: «Императрица Екатерина, между многими учреждениями на пользу Государства, восхотела <...>. На сей конец определила» заменено безличной конструкцией: «Между многими учреждениями на пользу Государства сделанными положено <...>. На сей конец определено было». Так же в сочинении Ф. В. Ушакова о смертной казни исключено заимствованное им у Ч. Беккариа упоминание правления Елизаветы Петровны как образца отказа от этого вида наказания. К цензурной правке этого типа, внесенной Мерзляковым, сыновья Радищева добавили и собственную. Так, упоминание Александра Македонского как образца дурного правителя в перечне: «равно имениты для нас Нерон и Марк Аврелий <...> Аристид и Шемяка, Картуш, Александр, Катилина и Стенька Разин» было ими уточнено: «Александр Великий» — по-видимому, чтобы

он не был смешан с царствующим императором Александром I. Из радищевского описания суда над студентами, которое он характеризует словами: «было похоже на то, какое бывало в инквизициях или Тайной канцелярии», сыновьями Радищева было исключено упоминание Тайной канцелярии как российской реалии.

Помимо этого Н. А. и В. А. Радищевыми было сделано исключение того типа, который вовсе отсутствовал у Мерзлякова. В завершении рассуждения о посредственных и творческих личностях, характеризующихся «беспокойством» ума, производящим «все изысканное и все уродливое <...> вольность и рабство, веселие и муку», родившим «мечтание и истину, ад, рай, сатану, Бога», были исключены четыре последних слова, поднимающих религиозные вопросы.

Следует отметить, что, несмотря на все сделанные исключения и смягчения, «Житие» в издании 1811 г. не потеряло своего публицистического звучания. Во всяком случае, когда в 1860 г. цензор Ф. Ф. Веселаго рассматривал «Собрание оставшихся сочинений» по ходатайству П. А. Радищева об издании на его основе нового собрания сочинений отца, именно в «Житии» им было отмечено наибольшее число мест, имеющих политический характер. Всего во всех шести томах Веселаго было отмечено «73 места, которые по разным причинам могут быть сочтены неудобными к печатанию».¹² В развернутом отзыве им было особо оговорено 20 таких мест, относящихся к «оскорблению нравственности», «неблагоприятным мыслям о правителях государства» и «мыслям, не согласным с верованиями Православной церкви». Шесть из них отмечены именно в «Житии Ушакова»; раздел «неблагоприятных мыслей о правителях государства» составлен только из фрагментов «Жития», причем все отмеченные им места входят в число тех, выражения которых были смягчены Мерзляковым.¹³

¹² РГИА. Ф. 777. Оп. 2 (1860). № 126. Л. 4.

¹³ Там же. Л. 4–5 об. В 5-й части «Собрания оставшихся сочинений», целиком занятой текстом «Жития», Ф. Ф. Веселаго были отмечены: с. 10–13 («Говоря о служебных успехах, Радищев рассуждает, что государю невозможно знать всех, что он „судя по слуху, награждает того, кого назначат вельможи, казнит нередко того, кто им не нравится“»), 26–33 («помещены комические, но не совсем приличные рассказы о священнике, сопровождавшем Радищева и его товарищей за границу»),

Наконец, наиболее интересной представляется стилистическая правка, внесенная сыновьями Радищева в сочинение отца. Не оставившаяся на единичных случаях изменения порядка слов и исключения или добавления отдельных служебных слов (формы глагола «быть», местоимения, предлоги, союзы, частицы), перейдем сразу к очень характерным случаям изменения отдельных синтаксических конструкций. Здесь, пожалуй, наиболее показательно проявилось стремление редакторов модернизировать язык подлинника. Так, последовательно были заменены все случаи употребления Радищевым абсолютных конструкций: «живу ему сушу» заменено на «когда он жив»; «почитая душу вещественную» — на «почитая душу вещественною». Менее последовательна замена союза «да» во вводных предложениях со значением цели на союз «чтобы» — из 25 случаев употребления замена произведена только в четырех местах («да не льстит» — «чтобы не льстил» и др.). Любопытна замена в единичном случае употребления именительного самостоятельного: в предложении «Доселе уста его не испускали жалобного стога, но скорбь одолев сопротивлением, страждущий вскричал» в полном соответствии с его смыслом форма «одолев» заменяется на «одолела», что позволило внести ясность во все высказывание: «Доселе уста его не испускали жалобного стога, но скорбь одолела сопротивление, и страждущий вскричал» (сопротивляется не больной Ушаков страданиям, но сама болезнь («скорбь») его усилиям). Судя по всему, деепричастные конструкции в целом настороженно воспринимались редакторами «Собрания оставшихся сочинений», поскольку в ряде случаев была произведена замена деепричастия на форму прошедшего времени («у меня были <...> пистолеты <...> которые я купил за день пред сим происшествием, зарядил» вместо «у меня были <...> пистолеты <...> которые я, купив за день пред сим происшествием, зарядил»; «Н. подступил к Бокуму, просил от него удовлетворения в обиде» вместо «Н., подступив к Бокуму, просил от него удовлетворения в обиде»). Случаи подобной правки,

34 (выписан фрагмент «Забыл гофмейстер наш ... не на нашу были пользу, но на его»), 35 (без конкретизации), 63 (выписан фрагмент «По несчастию всех ... стяжания своей пользы»), 83–84 («видно, что Радищев не считает грехом лишение человека жизни в таком случае, когда нет надежды к спасению и на долю страждущего остаются одни мучения»).

однако, непоследовательны (всего деепричастных конструкций, позволяющих произвести замену деепричастия на форму прошедшего времени, в «Житии» более 30) и, возможно, были допущены наборщиком. Во всяком случае в издании неисправленным остался случай употребления деепричастия по французской модели: «Уверив таким образом его самого в превосходстве его сил, удары электрического орудия становились сильнее».

Последовательная модернизация языка производилась и на морфологическом уровне. Что касается инфинитива, то в «Житии» (издание 1789 г.) заметно преобладают формы на -ть; формы на -ти встречаются крайне редко (исключая глаголы, производные от «идти», «расти», «вести» и «брести» — 16 форм из 555); для них в 12 случаях из 16 редакторами была произведена замена на -ть. Также показательна и замена форм именительного падежа множественного числа существительных на -ие (вроде «понятие»). В издании 1789 г. преимущественно употреблены формы на -ия («понятия»): 57 форм из 87 (из них почти половина — в переводе писем о книге Гельвеция); в отношении славянской формы на -ии («понятии»; генетически двойственное число) редакторы издания 1811 г. произвели последовательную замену — в 29 случаях из 30. К числу подобной последовательной морфологической правки можно отнести и последовательную, хотя и редкую из-за малой частотности в подлиннике, замену кратких форм причастий на полные («имеяй» на «имеющих» и т. д. — всего 5 замен).

Менее показательна в отношении модернизации языка произведенная редакторами замена ряда лексем. Несмотря на кажущееся обилие подобной правки, в целом она носит непоследовательный характер. Так, только в одном случае из 11 произведена замена «ведать» на «знать»; в одном случае из восьми — «житие» на «жизнь», «зреть» на «видеть»; в одном случае из шести — «вещал» на «сказал», «глас» на «голос», «един» (не в значении «единственный») на «один»; в одном случае из четырех — «вменяться» на «почитаться»; из более чем 60 случаев употребления полногласных форм предлогов «ко» и «во» замены их на неполногласные употреблены только три раза. В определенном смысле о последовательности можно говорить только в случае замен малоупотребительных у Радищева слов — «совлещи» на «сбить» (1 замена на 1 употребление); «именовать» — «называть» (1 замена на 2 употребления); «се» на «вот»,

«так» на «так» и «како» на «как» (3 замены на 3 употребления); «коли» на «если» (1 замена на 1 употребление).

К стилистической правке, помимо случаев модернизации, следует отнести также ряд примеров, связанных со стремлением к более точному употреблению слов и отдельных грамматических форм. Известно, что именно как образец того, как «мало у нас известен русский язык, что значения слов мало кто понимает», была представлена книга Радищева Г. Р. Державиным в Российской академии во время ее обсуждения в 1789 г.¹⁴ Правка издания 1811 г. во многом позволяет понять, что именно мог иметь в виду в данном случае Державин.

Обращает на себя внимание тот факт, что случаи собственно лексических замен представлены здесь минимально и преимущественно связаны с недопустимым употреблением переносных значений слов. Так, выражение «заквас, воздымающий сердце юноши» заменено на «пламень, объемлющий сердце юноши». Следует отметить, что в «Словаре Академии Российской» слово «заквас», в отличие от «пламени», не имеет указаний на переносное значение, а только естественнонаучное: «вообще так называется всякое тело или вещество, изобилующее твердым некоторым воздухом, отчего внутренние оною части <...> в движении находятся <...> и которое приложенное к другим приличным веществам подобное в них производит движение». Судя по всему, выражение «воздымающий заквас» (как нормативная, в САР отмечена форма «закваса») могло восприниматься как слишком натуралистичное, не подобающее описанию сердца юноши.

По-видимому, как лишенное смысла в прямом значении было заменено на «следы печали» выражение «изрытие печали» (в САР слово толкуется отсылкой к отсутствующему в словаре слову «ископание»; только для «ископать» фиксируется переносное значение в устойчивом выражении «ископать ров, яму» в значении «стараться о причинении вреда»). Как нарушающее устоявшуюся сочетаемость было заменено выражение «отделеннейшая метафизика» на «отвлеченнейшая метафизика» (у Радищева калька с л-

¹⁴ Архив князя Воронцова. М., 1872. Т. 5. С. 223. Подлинник на фр. яз.: «[en parlant du] peu de connaissance que l'on avait de langue russe, que l'on ne connaissait pas la valeur des mots».

тинского *abstractus*) — стоит отметить, что переносных значений для прилагательного «отделенный» САР не фиксирует, между тем для «отвлеченный» указывает значение «перенесенный, отделенно (оба слова — также кальки с *abstractus*. — *А. К.*) рассуждаемый» с примером «отвлеченное понятие». Стоит заметить, что издатели собрания сочинений 1938 г. в данном случае не поняли конструкции Радищева и, посчитав ее опечаткой, дали бессмысленный вариант «отдаленнейшая метафизика».

Наконец, как непристойное описываемому предмету было заменено в характеристике молодых женщин выражение «воровские глазки» на «быстрые взоры». С замеченным выше благочестивым характером правки связана замена в описании ночного визита юной просительницы замена выражения «привидела его горячее телодвижение» на «проведала».

Указанными пятью случаями примеры собственно замен неудачных лексем в издании 1811 г. ограничиваются. Между тем значительно более частотными оказываются случаи замен словопроизводных форм. Около двадцати подобных замен связано с уточнением значения: так, на «просторный» было заменено слово в выражении «просторный стол» в полном соответствии с САР, указывавшим, что «просторный» употребляется только как антоним «тесного». В одном из рассуждений о книге Гельвеция была произведена тонкая замена слова «изображение» на «изражение» в предложении «изображение сего чувствования есть составление понятия общего или отвлеченного» — таким образом подчеркнуто затемненное у Радищева значение этого слова как «знамение, проявление». К подобной смысловоразличительной замене словопроизводных форм следует также отнести последовательную замену грамматического вида в случаях, когда к логически многократным действиям применен совершенный вид («шумный <...> *был* всегда концерт» — заменено на «бывал») и, наоборот, к конечным и однократным — несовершенный («низко ему было вступать в переписку» — заменено на «вступать»).

Таким образом, с точки зрения языка «Житие Ушакова» представляло в издании 1811 г. значительно нормализованным как на уровне синтаксиса, так и лексики и морфологии. Поскольку модернизирующая правка носит во многом последовательный характер и во всяком случае отчетливо показывает, что воспринималось как

устаревшее и недопустимое в языке книги в начале XIX в. (а также, по-видимому, как стилистически маркированное в конце 1780-х гг.), по этой правке можно сделать некоторые любопытные наблюдения над стилем книги в целом.

Как оказывается, модернизирующая правка распределяется по тексту «Жития» неравномерно. Так, для всего начала книги — вплоть до рассказа о том, как проезжавший через Лейпциг Ф. Г. Орлов отказался впоследствии вести переписку с Ушаковым, — можно встретить только единичные случаи подобных исправлений — всего семь на 89 страниц первого издания; вместе с тем вся завершающая часть собственно радищевского текста (описание сочинений Федора Ушакова и его смерти) дали для модернизирующей правки богатый материал: 18 исправлений на 33 страницах. Наибольшей интенсивности модернизирующая правка достигает в описании момента, когда Ушаков чувствует приближение смерти и просит дать ему яда: здесь и упомянутый пример с именительным самостоятельным («смерть одолев сопротивлением...»), и замена полногласной формы («ко смерти») на неполногласную, и славянский инфинитив («скончати»), и замена «един» на «один», и краткой формы «антонов огонь» на полную.

Представляется, что этот языковой материал во многом помогает раскрыть важную, по-видимому, для Радищева двухчастную структуру его сочинения. Впервые интенсивная стилистическая правка встречается в помещенном посреди книги своеобразном предисловии к «Житию», описывающем его художественную структуру («сие пишу я для собственного моего удовольствия, пишу для друга моего, и для того мало нужды мне, если кто наскучит чтением сего, не нашед в повествовании моем ни одного происшествия, достойного памятника <...> Постараюсь отыскать в <...> деяниях [умершего нашего друга] то, что привлекательно быть может не для ищущих блестящих подвигов <...> но для тех, коих души отверсты на любление юности»¹⁵). Появление подобного метаописания не в начале текста, а в его середине может быть соотнесено с извест-

¹⁵ В этом отрывке употреблены дательный самостоятельный и краткая форма причастия: «имеяй власть в руках, мало рачит о том, что о нем скажут живу ему сушу»; в издании 1811 г. эта фраза заменена на «имеющий власть в руках, мало рачит о том, что о нем скажут, когда он жив».

ным «Предисловием в дезоближане» в «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна. Введением его Радищев разделял произведение на две части: в первой рассказывались малопримечательные события в жизни юноши; во второй части этот юноша описывался как мыслитель и учитель своих товарищей, образ которого соотносится с Сократом. Для различных предметов повествования требовался и различный язык; сыновьями Радищева эта значимая стилистическая разноплановость была во многом нивелирована.

* * *

Итак, сверка двух изданий «Жития Федора Васильевича Ушакова» показывает, что сыновьями А. Н. Радищева при подготовке «Собрания оставшихся сочинений» бесспорно вносилась правка на всех уровнях — от орфографии до стиля и устранения неудобных для печати фрагментов.

Прежде всего, выявляемый на нескольких уровнях благочестивый характер исправлений, внесенных сыновьями в текст отца (замена строчных букв на прописные в выражениях вроде «Христианский Закон»; слова «провидела» применительно к развратной женщине на «проведала»; исключение фрагмента о конвенциональности христианских понятий «ад, рай, сатана, Бог»), заставляет полагать, что подобная правка вносилась и в другие сочинения — во всяком случае ею не мог быть не затронут трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Когда в 1860 г. текст трактата был передан для духовной цензуры архимандриту Фотию (заключение дано им 12 января 1861 г.), причиной для предложенного им запрета послужило, по-видимому, скорее общее предубеждение против опального автора, чем выявление существенного числа недопустимых для духовной цензуры мест. В своем запрещающем отзыве Фотий, по существу, повторил лишь два из четырех замечаний, сделанных на полученном им экземпляре светским цензором Веселаго: «[книги, содержащие трактат. — А. К.] не могут одобрены быть к напечатанию со стороны духовной цензуры по причине мест таких, как следующие: . . ., приписывают (одно исцеление, оглашенное чудесным) непосредственному содействию Божества, то есть: противоестественному действию Его могущества. О Всевышний! уста моя заграждены на таковые Существа Твоего уничтожения

и пр.“; „почто искать нам рая, почто исходить нам во ад и пр.“».¹⁶ Судя по всему, количество изменений подобного типа, внесенных сыновьями в трактат, могло быть велико, что заставляет относиться к его использованию в реконструкции религиозных взглядов Радищева с определенной осторожностью.

Наличие цензурных исключений в «Житии», отсутствие в «Собрании оставшихся сочинений» несомненно имевшейся в распоряжении сыновей Радищева оды «Вольность»,¹⁷ известное обращение Н. А. Радищева к В. Н. Каразину в 1808 г. с просьбой вернуть в связи с подготовкой «Собрания» переданные тому бумаги отца (по-видимому, связанные с его работой в Комиссии для составления законов)¹⁸ — все это заставляет предположить, что в распоряжении сыновей писателя могли иметься и другие его произведения с возможным политическим звучанием, и во всяком случае уверенность их в предисловии к изданию («вот все, что осталось из сочинений человека, известного уже публике <...> многие другие творения как важные, так и забавные, пропали»¹⁹) вряд ли стоит

¹⁶ РГИА. Ф. 807. Оп. 2. № 1329. Л. 17–17 об. В отзыве Ф. Ф. Веселаго (Там же. Ф. 777. Оп. 2 (1860). № 126. Л. 4 об.–5) как «мысли, не согласные с верованиями Православной Церкви» были отмечены четыре фрагмента в 3-й части «Собрания оставшихся сочинений»: с. 79 («Рассуждая о власти души над телом, Радищев доказывает, „что совершенное умерщвление страстей есть уродливо, ибо противоречит цели естественной“». Далее, называя подобное умерщвление „безумием“, он тут же указывает на „житие древних пустынножителей“»), с. 89 («Упомянув о чудесном исцелении какой-то девицы в Москве, он говорит „приписывают то непосредственному содействию Божества, то есть противоестественному действию его могущества. О Всевышний! уста мои заграждены на таковое существа Твоего уничтожение!“»), с. 101 («„Ныне успехи рассудка мыслить заставляют, что всякое чудо есть осмеяние Всевышнего могущества и что всякий чудотворец есть богохульник“». Впрочем, здесь он говорит о чудесах таких лиц, как Калиостро и т. п.») и с. 140 («„Почто искать нам рая, почто исходить нам во ад: один в сердце добродетельного, другой живет в душе злых. Как ни умствуй, другого себе вообразить не можно“»).

¹⁷ В 1856 г. П. А. Радищев сочинил подносное стихотворение Александру II, в котором было использовано несколько строк из оды его отца (*Мельник В. И. И. А. Гончаров и русская литература*. Ульяновск, 1999. С. 80–87); в 1859 г. в начальной редакции биографии отца им были процитированы по памяти несколько строк оды (ИРЛИ. № 7118. Л. 8 об.–9).

¹⁸ *Радищев А. Н.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1954. Т. 3. С. 656.

¹⁹ Собрание оставшихся сочинений покойного Александра Радищева. М., 1807. С. III.

принимать на веру. Можно предположить, например, что известный отрывок, написанный Радищевым при получении сообщения об освобождении от ссылки: «Час преблаженный, день вожделенный...», представляет собой не краткий экспромт, как это принято считать, а именно сохраненный памятью престарелого Павла Радищева отрывок большего по размеру произведения, где могли затрагиваться как обстоятельства и оценка Радищевым своего наказания, так и даваться характеристики Екатерине II и Павлу I.²⁰

²⁰ Сличение стихотворных фрагментов в биографическом очерке П. А. Радищева об отце с их известными печатными вариантами показывает значительные искажения, обусловленные памятью, и фрагментарность. Характеристику стихов «Час преблаженный...» как «экспромта при известии о помиловании» дал П. А. Ефремов в не увидевшем свет собрании сочинений А. Н. Радищева. Основанием для этого послужил, по-видимому, контекст, в котором пять стихов были помещены в очерке Павлом Радищевым: «Он прибегает в восхищении [от известия о разрешении покинуть Сибирь. — А. К.], громко говорит: „Ну, маменька, поезжай в Россию!“ Все маленькое семейство падает на колени, и проливая слезы радости, благодарит Бога. *Час преблаженный...*» (Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л., 1959. С. 85). Подобное прочтение (стихи, произнесенные экспромтом, как развитие сюжетного нарратива) возможно, однако более логичным кажется предположить, что здесь П. А. Радищев для характеристики памятного события привел памятные ему строки отца, не обязательно созданные синхронно и одновременно. Подобным образом в ранней редакции биографии отца Павлом Радищевым был введен перевод строки из «Меропы» Вольтера: «Дуэль, по его мнению, есть убийство и сумасбродство, но он допускал самоубийство: *Коль все потеряно, когда надежды нет*» (ИРЛИ. № 7118. Л. 25).